

0.3573

ПИСЬМА ИВАНА ФРАНКА.

I.

БАЛЯДЫ И РОСКАЗЫ.

*(Посвячено бл. дъвици Надеждѣ***).*

Цѣна примѣрника 6 кр. а. в.

ЛЪВОВЪ, 1876.

Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка,
подоъ зарядомъ Фр. Сарнцкого.

В-3573^{1р}
1

БАНДИ И РОСНАЗАР

Збірка М. С. ВОЗНЯКА

ЛВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ И 36 870

34221/1

П р о л о г ъ.

изъ Гейного.

Ой бувъ-то разъ лыцарь понурый, нѣмый
Зъ лицёмъ блѣдымъ и запалымъ.
Ходивъ и хитався й дрожавъ, мовъ старый,
Мовъ сны го глубоки уняли.
Нездарный онъ бувъ, непрворный такой,
Куды лишъ проплентавсь, дѣвки и квѣтки
На голосъ за нимъ реготались.

Людей онъ боявся. Звычайно сидѣвъ
Самъ въ темному кутику дома.
Тамъ тужно когось мовъ обняти хотѣвъ,
Но ніколи не рѣкъ и слова.
Но скоро лишъ пѣвночь наляже на свѣтъ,
Щось дивно-чарѣвно звенить и бренитъ,
И дверь отмираєсь тисѣва.

Тихесенько входитъ любима ёго
У сукняхъ изъ морской пѣны.
Якъ рожа лице ей, якъ мрамуръ чоло,
А стрѣй одѣ брилянтѣвъ ся мѣнить.
А косы, мовъ золото зъ рамень плывутъ,
А очка у сердце жаръ роскоши льютъ —
Ихъ довгий устѣскъ зрятъ лишъ стѣны.

Онъ крѣпко-любовно еѣ обнима',
Холодный — пожаромъ палає!
Блѣдый — весь красиѣе, задумы нема,
Несмѣлый — свободнымъ дѣлаєсь.

Она зъ нимъ пестится, и — хитрица — вразъ
Пѣдходитъ тихенько и выгладитъ часъ — —
Завоёмъ му взѣръ закрывае.

И вразъ зачарованымъ бачится ѡнъ
Въ пѣдводну кристалъну палату,
Здивованый взѣръ ослѣпляе му въ нѣй
Несказаный розблескъ богатый.
Въ обнятыяхъ Русалки, мовъ пьяный лежитъ,
Въ очохъ ихъ любовь, страсть и роскѣшь горитъ,
Хоръ дѣвъ переливно явъ грати.

И музыка й спѣвъ переливно несесь,
Въ танъ стопы летятъ, мовъ на крылахъ...
Но ѡнъ забувае себе и свѣтъ весь,
У нѣго въ обнятыяхъ — мила...
Въ тѣмъ свѣтла погасли, хоръ чудный утихъ,
И лыцарь оглянувся — по стѣнахъ пустыхъ
Понурой комѣрки поета.

Д а н и н а.

Козарска дружина розбоёмъ жилá,
Она надъ Днѣперъ за розбоёмъ прийшла.
На горахъ Днѣпровскихъ градъ Кіевъ стоить,
А въ городѣ тѣмъ трое братьей княжитъ.
Пѣслали Козаре сказати братамъ,
Щобъ дань заплатили стенимъ хижакамъ.
„Вѣйна, сли данины сейчасъ не дасте,
А де мы пробдемъ, трава не зросте!“
Кій, Хоривъ и Щекъ тамъ княжили тогды.
Они таке слово Козарамъ рекли:
„Житъе наше мирне, вѣйна не для насъ,

И мы вамъ готові дань дати сей часъ!“
Козаре пѣдъ градомъ таборомъ стоятъ,
И острягъ оружье и смотрятъ на градъ.
А зъ града пѣсланцѣ передомъ идуть,
За ними на возѣ данину везуть.
Данину идъ хана шатру завезли, —
Начальники тамъ ся на раду зѣйшли.
„Якужъ вы данину изъ града взяли?“
— Князѣ по мечу намъ ѡдъ дыма*) дали. —
Начальники смотрятъ, дивуеся ханъ.
„Не добру, о хане, прислали намъ дань!“
„Въ одинъ лишь бѣкъ наше острене ружье,
„А збруя Полянѡвъ у два боки тне.
„А слижъ они зъ нами боротись зачнутъ,
„Закимъ мы ихъ сто, вни насъ двѣста убьютъ!
„И може прийде ще, о хане нашъ, часъ,
„Що дань побирати они ймутъ ѡдъ насъ!“

* * *

На Кіевскихъ горахъ розсѣлася тьма,
Но войску Полянѡвъ спочивку нема.
Тихесенько зъ Кіева рядъ за рядомъ
Спѣшитъ, де Козаре вколысані сномъ.
И рыкнули роги, крикъ бою гуде,
Ой, то то загибѣль Козарамъ иде!
Ой страшный бувъ бренькѡтъ мечѡвъ стальныхъ,
И годѣ спастися Козаромъ ѡдъ нихъ.
Ой голосно выли вовки изъ лѣсѡвъ:
Вѣдай похоронный Козарамъ се спѣвъ!...
А рано Хорсѣ ясный пѣднявсѣя зъ за хмарь:
Все поле покрылося трупомъ Козаръ.
Лишь ханъ ихъ плѣненный въ кайданахъ стоить,

*) Дымъ, у Нестора часто въ значенью хата, пор. наше „подымне.“

Здивованимъ окомъ на трупѠвъ глядитъ.
И въ дѠлъ нахилияесь ёго голова,
А уста все шепчуть зловѣщій слова:
„Небавомъ, о хане, настане той часъ,
Що дань побирати они ймутъ Ѡдъ насъ!

А р ф я р к а.

Она: Поцѣлуѣ твой
Мовь огонь мя палять!
Скажи, милый, чому
Такъ ти очи горять?

Онъ: Пригорнись, поцѣлюй,
Не розпытуй мене!
Тажь ты знаешь, душе,
Якъ люблю я тебе!

Она: Знаю я, милый мѠй,
ЩирѠсть всѣхъ твоихъ слѠвъ,
Но чи премъ крѠмъ мене
Другихъ ты не любивъ?

Онъ: Сотый разъ ты кленусь,
Що крѠмъ тебе въ житью
НѠкогомъ не любивъ
И любить не буду!

Она: Вѣрю ти! Не кленись!
По щожь клятва въ любви?...
Но послухай!... Се хто
Тамъ спѣва' за дверми?

Онъ: Се арфярка якась!
Мила - сердце, — кажи
Съ спѣвомъ, бренькотомъ тымъ
Прочь арфярцѣ ити!

Она: Нѣ, мѡй милый! Той спѣвъ
И бренькъ арфъ я люблю.
Най арфярка вѡйде,
Най спѣва' пѣсь свою.

И арфярка блѣда
У свѣтлицю вѡйшла,
И по Нѣй и по Нѣмъ
Окомъ вразъ повела.

Задрожала чогось — —
И въ рукахъ ей худыхъ
Стара арфа здрогла,
И струнъ бренькѡтъ затихъ.

Онъ: Вели, мила, сейчасъ
Прочь арфярцѣ ити!
Она пѣсней вѣдай
Не умѣе, нѣ gry!

Она: „Нѣ, най грае, якъ зна',
Най спѣвае, що втне!...
Но чомъ, милый, такъ вразъ
Твое зблѣдло лице?

Онъ: Ничь то мила!... Тыхъ арфъ
И такихъ арфярокъ
Я не можу знести!... (до арфярки:)
Прочь ты!... Ту не шинокъ!

Она: (до арфярки:) Нѣ не слухай ёго!
Заспѣвай що небудь — —
Такъ, про щастье, любовь,
Най вовнуеся грудь!

Но арфярка блѣда
Обернулася — пошла,
И стиснувши въ руцѣ
Арфу, стиха рекла:

„Нынѣ рѣкъ, нынѣ рѣкъ
Онъ мене такъ стискавъ!
Завтра рѣкъ, онъ мене
Одѣпхнувъ и прогнавъ!....“

Чувъ и Онъ и Она
Тоті слезнї слова.
Онъ ѣ къ серцю притисъ, —
Одвернулася Она.

Аскольдъ и Диръ пѣдъ Царьгородомъ.

Чого Царьгородцѣ тревожно бѣжать?
Наѣзники - Руссы напали Царьградъ

Народъ весь у храмъ ся Софїйскїй товпитъ,
Слѣзами, мольбою спасенья просить.

Наѣзникъ у мѣсто вже кидае грань...
Варягѣвъ Змїй - човны*) окрыли пристань.

* Звѣсно, що кораблѣ Норманьскї мали подобу змїѣвъ и звалися прото Drachen-Schiffe.

Вже Греко́въ надѣя у крови тоне,
Наѣздникъ зъ пристѣни на мурѣ ся пне.

А втѣмъ, ци се войско, ци що за походъ
Иде по за мѣсто до Боспора водъ?

Старикъ - патріархъ се, зъ нимъ клиръ и народъ
Въ одежахъ покутныхъ пѣдходятъ до водъ.

Всѣ клякли. Ихъ слѣзы, молитвы и спѣвъ
Дивуютъ наѣздникѣвъ зъ дальныхъ краѣвъ.

А втѣмъ патріархъ въ гору взноситъ своѣй взоръ,
И чудный завѣй погружае въ Боспоръ.

Завѣй той носила за свого житѣя
Заступница вѣрныхъ, Пречиста, Свята.

Смѣются Варяги дивлячись на те.
„Завѣй не поможе, сли смѣлости не!“^{4*})

Наразъ, що за трусь, що за крикъ повстае?...
Боспоръ ся сказивъ, берѣгъ филими бѣе.

И стогне и прыще й клекоче вода,
Лунаеся берѣгъ, здогае земля.

Въ вирахъ покрышились Варягѣвъ човны,
Наѣздникѣвъ силу пожерли вовны.

Лишень ихъ начальники, Аскольдъ и Диръ
Вертали зѣ ветыдомъ до кѣвскихъ гѣръ.

* * *

*. Не въ пѣдгѣрекѣмъ нарѣчию часто замѣеть нема.

Въ Боспорѣ не одна ся лютила брань,
А кѣстми Варягѣвъ бѣлѣлась пристань.

Минали столѣтъя и Царьградъ упавъ,
А костей Варягѣвъ Боспоръ не забравъ.

Мовь сторожъ, що нагло на чатахъ умеръ,
Они ся бѣлѣютъ въ пристани й теперъ.

Шотляндска пѣсня.

изъ Пушкина.

Противъ Крука Крукъ летитъ
Крукъ до Крука такъ кричитъ:
„Круче, якъ бы намъ прѣзнати,
Де обѣдъ будемо мати?“

Крукъ те Крукови въ ѡдвѣтъ:
„Знаю я, де намъ обѣдъ.
Въ чистѣмъ поли жовте жито,
Тамъ богатыря убито.“

„Хто и защо го убивъ,
То его лишъ сокѣль зрѣвъ,
Кѣнь воронный, та хибя ще
Его любочка гуляща.“

„Сокѣль въ пущѣ улетѣвъ,
На коника ворогъ сѣвъ,
Любка милого жде своего
Не убитого — живого.“

Рыбакъ середъ моря.

Розôгралось Чорне море,
Розôгралося мовь звѣръ.
Темный воздухъ перунъ поре,
Зъ ревомъ крутится бугôръ*).

Мовь кроваве тигра око,
Де гроза и злôсть и страхъ,
Грають филѣ грознй въ сонця
Заходячого лучахъ.

Середъ филь и пѣны й шуму
Чайка утлая несесь — —
Крутить невь и мече море,
Туй - туй чайка розôбьесь...

А на чайцѣ одинокій
Безъ весла рыбакъ сидить,
И спокôйно, рôвнодушно
На грозу и шумъ глядитъ.

Ци му сердца не тревожить
Образъ смерти середъ фаль?
Ци житье му надоѣло,
Що життя ёму не жаль?

Я не знаю. Онѣ на вовны
Погляда', мовь на рôдню,
А часомъ всмѣхнесь. „Мôй човникъ
Выдержитъ ще не одну.“

*) Бугôръ, то вихоръ, що туманами крутить.

Середъ шуму, треску, реву,
Тужну думку онъ завѣвъ,
Хоть глушитъ, мовь голосъ мушки,
Страшна буря ёго спѣвъ.

Онъ спѣвае про вѣкъ давный,
Про щаслившій давный часъ,
Про рыцарскихъ предковъ боё,
Про блескъ славы, що погасъ.

Довго, протяжно выводитъ
На хисткомъ, слабомъ човнѣ,
Хоть въ ближайшій може хвили
Змовкне спѣвъ — на моря днѣ.

Князь Олегъ.

Князь Олегъ по бояхъ тяжкихъ спочивъ
Въ задумѣ по пышной комнатѣ ходивъ,
И нетерпѣливо на дверь глядавъ,
Князь Олегъ, якъ бачу, когось дожидавъ.
Втворилися двері, въ комнату йде
Старець и князеви поклонъ кладе.
Князь быстро поглянувъ ёму въ лице:
„Витай ми вѣщуне“ — до него рече.
„Скажи ми, вѣщуне, а правду всю,
„Ци скоро й якою я смертю умру?“

Вѣщунъ ся покорно склонивъ князю:
„Покинь одслоняти будучность свою!
„Не найде потѣхи, хто ей покровъ
„Посмѣе роздерти зухваловъ руковъ!“

Князю, мовь бы жару у кровь наливъ,
И въ дѣда онъ грозный свѣй поглядъ встромивъ.
„Ци думашь, дѣду, що я дитя,
„Що слово марное мене вже й зляка' ?
„Сли знаешь будучнѣсть, то всю ѡдкрый,
„Сли нѣ, я скажѹ: Ты дурисвѣтъ старый!“
„Мѡй княже дурити не вмѣю я,
„Но сумна, важкая судьба твоя.
„Твѡй кѡнь которого такъ любишь ты,
„Той мас погибѣль тобѣ принести!“

„Сли такъ, — на Перуна кленуса я,
Що бѡльше не сяду на того коня!“

* * *

Летѣли лѣта, мовь Днѣпра вода,
Князь Олегъ зъ вѡины зновъ домѡвъ верта';
Въ великѡй бо онъ ся походъ трудивъ,
Козарѡвъ, степныхъ хижакѡвъ побѣдивъ.
Народъ веселится, — наставъ ось миръ, —
Князь Олегъ дружину зывает на пиръ.
Пируютъ весело три ночи, три дни,
Вкѡнци погуляти на ловы пѡшли.
Днѣпра узберѣжьемъ тамъ лѣсъ шумить, —
Пѡдъ лѣсомъ тымъ, — що се онъ бѣле стримить?
— „Любимецъ твѡй, княже,“ конюхъ сказавъ,
„Твѡй кѡнь, щось нагнати въ степы го казавъ.
„Що мы ёго гнали, но онъ не хтѣвъ
„Въ степы до свободныхъ степныхъ табунѡвъ.
„И все лишъ маячивъ кругъ мѣскихъ брамъ,
„Ажъ разъ го мертвого нашли мы онтамъ!“
„Мѡй щирый приятель!“ такъ князь сказавъ
На бѣли кости зъ жалѣмъ поглядавъ.

„Я вбивъ го безвинно, я вбивъ го самъ,
„Повѣривъ дурисвѣта - дѣда словамъ!“
Князь Олегъ ся костей ноговъ дѣткнувъ,
Но въ тѣйже хвилинѣ бѣль страшный почувъ.
У чашцѣ ся крыла страшна змѣя, —
И скрутами ногу обвила князя.
Князь Олегъ схитався, — князь Олегъ здрожавъ...
„Проклятый вѣщуне, ты правду сказавъ!“
Князь Олегъ посинѣвъ, князь Олегъ поблѣдъ, —
Дружина до нѣго, — князя вже нѣтъ.

Керманичъ.

Черемошомъ быстрымъ, шумячимъ
На доли дараба плыне.
Керманичъ на нѣй молоденькій
Въ Черемоша воды гляде.

Керманичу сердце мутится,
А око сплывае слезовъ,
Лишь керму поводитъ поволи
По филияхъ безвладновъ руковъ.

Мовь утка, дараба ось поре
Спокѣйну, широку глубѣнь,
И въ воду понуривши личко
Глядае керманичъ - лелѣнь.

А въ тѣмъ — ци се сонъ, ци се ява, —
Крѣзъ слѣзоньки зрится ёму,
Що ось надплывае надъ чудну
Пѣдводну палату скляну.

Зъ ѡкна еи дѣва до нѣго
Пѡдноситъ жалѡбне лице
Та дѣва, — о Боже единый!
Єгожь-то любима отсе!

И слушае пильно керманичъ,
А дѣва и плаче ѿ спѣва:
„До мене, мѡй милый, до мене, —
Хоть ту я, для тебемъ жива!“

Насъ жизнь розлучила ѿ злѣ люде,
Наѿ смерть принесе намъ спокѡй!
Ходи, ту твоя я на вѣки,
Ходи, ту на вѣки ты мѡй!“

Черемошомъ быстрымъ, шумячимъ
На доли дараба плыне,
Въ нѣѿ зломана керма, о берѣгъ
Черемошъ дарабою бѣе.

Глубоко керманичъ, глубоко
Лежитъ у скляному дворѣ,
Що прысне о скалы дараба,
Єму вже то не въ головѣ!...

* * *

(Изъ А. К. Толстого).

Ой чомужь ты мя тяжке горенько
Зъ свѣта не звело нещасливую,
Лишь роздерло ми сердце на двое?

Якъ не зѡйдеся рано зъ вечеромъ,
Такъ не зжитись двомъ добрымъ молодцамъ.

Иzza мене все вадятся они,
И оба мене лають - коренять.

То ось братъ менѣ такъ докорюе:

„Пощо ты пошла за паничика,
Втрутилась въ рѣдню, у нерѣвную?

Ты ѳтстунище, перевертнице,
Ѳтъ своей рѣднѣ ты ѳтстайнице!“

„Бадѣчко ты мѳй, рѣднѳй братчику,
Я въ рѣдню ёму не набивалась.

Самъ ты, братчику, намовлявъ мене,
Намовлявъ мене, ѳддававъ мене!

А ту мужъ менѣ дорѣкае зновъ:

„Изь якого ты роду-народу?

Що ты за посагъ принесла менѣ?

А и чимъ то ты счарувала мя,

Приговѳрнище, чародѳйнице,

Мене зъ моими ты розлучнице!“

„Господине мѳй, милѳй мужу мѳй,

Ничимъ я тебе не пристрѣтила.

Але взявъ ты мя зъ волѣ вольной.

Не великѳй то и посагъ за мновъ:

Всѳго — серденько та покѳрливе,

Голова тобѣ та послѳшлива.“

* * *

*

Перекинувсь хмѣль черезъ рѣченьку

Зъ одного дубця та на другѳй дубъ,

И колышеса межи обома

Надъ прудковъ водовъ зеленѳючи,

Туги-горенька тай не знаючи,

Оба дерева обнимаючи....

Святославъ.

Прощася зъ матѣрью князь Святославъ.
Ой ѣду я, мамо, та въ Переяславъ!
„Щасливый, богатый болгарскій край,
„И пышно красить го среблистый Дунай!“

А въ Ольги ся слёзы пустили зъ очей,
„Не кидай, мѡй сыну, родины своей!
„Не бѣдный, а рѡдный и рускій край,
„Днѣпра не заступитъ ти сребный Дунай!
„Въ чужинѣ е скарбы, — та й зрада е, —
„Чужого забагнешь, а стратишь свое!“

Но дармо ридас и дармо благае,
Князь буйный дружину въ походъ скликае, —
И неньку стареньку у слёзахъ лишивъ,
За славовъ, за сребломъ въ Болгарю спѣшивъ.

* * *

Ой правду то мовила мать Святослава:
Де скарбы, тамъ зрада, а горечь, де слава!
Воюе въ Болгаріи князь Святославъ: —
Ой многожь тамъ горя и лиха зазнавъ!
А въ тѡмъ му доносятъ: О княже, вертай!
Орда Печенѣзка займае твоѡй край!

Ой скорымъ походомъ на Русь повертавъ
Зъ богатовъ добычью буйный Святославъ.
А филѣ Днѣпра по порогахъ шумять...
Въ густыхъ очеретахъ враги сидятъ.

А Свѣнальдъ, старъ лыцаръ сказавъ до князя
„О княже мѡй, сила твоя за слаба,

„И сли у степу насъ нападуть враги,
„Не зможемо вздержати ихъ ваги
„Тожь ту у Корсуни пробудьмо зиму,
„Зъ весноюжь повернемъ въ краину свою.“
Но надто горяча и надто прудка
Въ князя молодого натура була.
„Мѡй край нападають погані враги,
„А мы бы ту ждали спокѡйно весны?
„Ні Грекъ не злякавъ насъ, ні войско Болгаръ,
„А ту бы злякавъ насъ степовой дикарь?...

Плывуть Днѣпра воды исъ клетотомъ, шумомъ,
А войны княжі проняті сумомъ,
А скоро нѡчь темна на степъ лягла,
Напала ихъ дика врагѡвъ орда.
Ой, страшна була тамъ и люта борьба, —
И падали трупы, въ покѡсѣ мѡвь трава,
И кровця лилася рѣкою - рѣкою. —
Заледво де сотый уйшовъ съ того бою.

Ой рано кроваво сонце сходило,
И Руси великое горе звѣстило,
Ось войска останки кроваві йдутъ,
И трупъ безголовый князя несутъ...

А ханъ Печенѣгѡвъ въ степу пирувавъ,
На пиръ старшину всю свою зазавъ:
Онъ празникъ побѣды своей обходивъ.
На пирѣ изъ чары онъ срѣбной пивъ, —
Се чашка у срѣбло оправна була —
У чашцѣ ся пѣнятъ заморекі вина. —
Ой грозна колись була чашка отся,

Ой чашка бо то Святослава князя;
На чашцѣ тѣй напишь, ажъ въ очи бье:
„Чужого заблагнешь, а стратишь свое!“

Р у с а л к а.

(изъ Пушкина.)

Надъ озеромъ, въ глуші дубровы
Спасався десь - колись монахъ
Все въ праці, тихій и суровый,
Въ задумѣ, постѣ и мольбахъ.
Вже, смерти ждучи леда хвилѣ
Старикъ собѣ могилку рывъ, —
И, щобъ го зъ жизни слобонили,
Святыхъ угодникѣвъ моливъ.

Разъ въ лѣтню пору край порога
Своей хатиночки старый
Анахоретъ моливъ до Бога.
Змеркалось. Пѣнивъ чорторый
На озерѣ и дыхавъ мглою.
Чорнѣла пуща. Въ небесахъ
Плывъ мѣсяць смуговъ рожевою.
Вдвився въ филѣ нашъ монахъ.

Глядитъ и страхъ ёго прѣймае,
И самъ не знае, що му е...
И видитъ: фили прыще, грае, —
И тиха, гладка зновъ стае...
И вразъ., Легенька, мовъ тѣнь ночи
Бѣленька, мовъ маёвый снѣгъ

Зѣ филь дѣва выплыла, — плюскочесь
И мовчки сѣла на морôгъ.

На монаха глядитъ тужливо
И пышнй косы йме чесать...
Съ страхомъ глядитъ старый на диво,
На ту пречудну дѣвы стать.
Она го дѣ собѣ зве рукою,
То быстро кивне голововь,
И вразъ падучою звѣздою
Въ глубь сонныхъ филь метне собовъ!

Всю нôчь неспавъ старецъ понурый,
И не молився цѣлый день.
Въ гадокъ зворушенныхъ онъ бури
Чудную дѣву зрѣвъ лишень.
Зновь мгла по пуци ляговится,
Крôзь хмары мѣсяць прогляда'
И зновь на березѣ дѣвица
Сидитъ, чарôвна и блѣда.

Глядитъ, манитъ го дѣ собѣ зѣ даля,
Цѣлюе, мовьбы зѣ нѣхотя,
Играе, плюскокася въ фаляхъ,
Регочесь, плаче, мовь дитя,
Зве монаха и мовь вздыхае....
„Сюда! Сюда!“ И звукъ бренитъ....
Вразъ дѣва въ фильяхъ пронирае
Середь глубокой тишины.

На третій день пустычникъ сивый
Надъ озера водовъ чудновъ
Сидѣвъ и ждавъ хорошей дѣвы....
Вже пуца въ мраку крылась зновь....

Розвѣявъ ранокъ тьму нѣчную
По монасѣ пропавъ и духъ
Лишь бороду ёго сѣдую
Въ водѣ десь задрѣвъ разъ пастухъ.

Местъ за убитого.

арабска дума.

I.

На стежцѣ пѣдъ скаловъ убитый онъ лежитъ,
А кровь ёго плыне, камѣнь червонитъ.
Вмираючи, менѣ тягаръ онъ наложилъ,
И врагъ не дѣжде, щобъ присягу я зломивъ!...
„Ты дѣльне и грѣзнѣ дитя моеи сестры,
„Я зрадовъ гину ту, — ты смерть мою помсти!
„Най ёдью змѣиновъ твоѣй лютой бухне взоръ,
„Най смерть вѣститъ врагамъ развитый твоѣй прапоръ!“
И впали въ сердце мнѣ слова тѣ, мовъ скала,
И мовъ пѣдъ тягаромъ душа ся подала.
Охъ, бо пораадника забрала ми судьба,
Бо въ вѣкъ лишила мя найщиршая душа!
Въ холодный день онъ бувъ, мовъ сонця теплота,
А въ спецѣ, наче тѣнь, а въ спразѣ, мовъ вода.
Мовъ олѣнь быстрый бувъ, веселый, мовъ дѣвча,
Героя смѣлѣсть въ нѣмъ, а въ тѣлѣ сила льва.
До цѣли просту путь умѣвъ онъ все найти,
А зрады онъ не знавъ, ни пѣдступной мсти.
Мовъ дожджъ зъ небесъ, такъ онъ льявъ щедро дары намъ,
Мовъ грѣмъ зъ небесъ, такъ онъ погибѣль нѣсѣ врагамъ.
А чорный волосъ му на плечѣ ажъ спадавъ,
А перскій плащъ пышный до стѣпъ ёму сплывавъ.
Но скоро въ полю знакъ до бою загрѣмѣвъ,
Мовъ вовкъ голодный, онъ на добычъ такъ летѣвъ.

Онъ ѣздивъ самъ, — лишь мечъ ёго сопутникъ бувъ,
Мечъ въ Єменъ кованный, — неразъ го врагъ почувъ!
Той плащъ, той мечъ ёго неразъ прѣзнать могла
Вся Гудзейлицкая*) розбѣйница орда.
На плащъ той шайка ихъ, и на той мечъ стальной
Засѣла, — и мѡй другъ погибъ ѡдъ рукъ тыхъ змй!
Смотрѣтъ, яку му ту врагъ постѣль зготувавъ!...
Верблюды бы въ скалахъ тыхъ самъ ноги поломавъ!
Сходяче сонѣчко само ся ажъ зляклѡ,
Узрѣвши въ крови ту обдертого ёго.
Не радуйсь предъ часомъ, погане племя зле,
Бо въ твоѣй крови бѡль душѣ моеи втоне!...

II.

Полудне жаркое. Нашъ ѡддѣлъ хоробрый ся збивъ
У купу тѣсную. Рушасмъ.
И генъ за пѣски вже богъ сонця ся на нѡчь склонивъ, —
Мы тягнемъ мовъ хмары надъ гасмъ.
А каждого духъ, наче мечъ. А мечъ вѣрный въ пѡ-
хвахъ, —
Ось ту мы при боцѣ го чуемъ...
А каждого кѡнь, наче тигръ. На далекихъ степлахъ
Лишь шакаль походъ нашъ вартуе.
Ой, ворогъ сонъ-зѣлья*) немало у вечѣръ хлиставъ,
И спить непробудно въ таборѣ, — —
Гей, ту го ѡддѣлъ нашъ у самую пору напавъ!
Не зрѣти му раннои зорѣ!

*) Гудзейлиты, арабске кѡчѡвниче племя.

*) Сонъ-зѣлье, опіумъ, котре восточнй народы заживають
для спровадження приятныхъ снѡвъ.

„Зачнѣтежь кровавое дѣло!... Смерть трупы валить,
Два племена внали въ могилы,
Кѡлькохъ лишь утѣкло. Весь степь ихъ посоковъ за-
литъ, —

А видъ той убитому милый.

Ихъ кровью вгасили мы сразу тяжку нашихъ спѣсь,
Горячій пѣсокъ напоили.
Зъ борьбы той кождый зъ насъ мечъ лишь кровавый
унѣсь,

А ранъ мы на тѣлѣ й не зрѣли.

Теперь мнѣ сорбетѡвъ-вина подавай! Я не знаю,
Що заказъ, Корана законъ!
По трудѣ — заплата! По битвѣ пекельной най раю
Скоштуемъ. Ту втѣха, не стонъ!

Най мечъ мой булатный, най кѡнь мой вороный — усѣ
Днесъ знають, що розкѡшь, выгода!
Якъ пуца у крови врагѡвъ, — най купаетъ въ винѣ
Побѣда днесъ мого народа!

Подай менѣ чару тяжку, золотую, подай,
Гей, Саваръ Бенъ-Амре, мой друже!
Хоть радъ я зъ побѣды, — та всежь ми убитого жаль,
И сердце болитъ мене дуже.

Зъ сталевою чары мы смерти напой ворогамъ
Дали, Гудзейлітамъ, ту нынѣ!
И глянте, якъ твердо пѡснули! Не грозить вже намъ
Ихъ шайка посередъ пустынѣ.

А чусте онъ, — якъ вся пуца уже гомонить?
Гіенъ прошибающимъ зыкомъ?

Онъ стадо вовкѣвъ блискоокихъ идъ трунамъ летитъ,
И шакаль ихъ шарпае съ крикомъ.

Глядѣтъ, — онде кречеты зъ синѣго неба падуть
И гордо по трунахъ ступають!

Отъ тутъ имъ пожива! Отъ тутъ-то они ся нажрутъ,
Що злетѣти вже не здужають!...

Хрестъ Чигиринскій.

Гей, въ мѣстѣ въ Чигиринѣ е церковь, Спасъ святой:
Въ той церквѣ хоронится козацкій хрестъ старый.
На томъ хрестѣ до нынѣ ще давна напись есть:
Миръ мирнымъ! На враждующихъ самъ Богъ и ёго хрестъ!

У прѣтворѣ до нынѣ той грозный хрестъ стоитъ,
Мовъ великанъ минувшихъ, померклыхъ, страшныхъ
лѣтъ, —

И лишь слѣпцѣ старіи исъ пѣснями въ устахъ
Сидять, мовъ сумъ могильный, у стѣпъ того хреста.

И не одну говорятъ о нѣмъ старую вѣсть
Про наше горе, лихо, про вражу ляцку злѣсть.
И сердце ся стискае на вѣсти съ тыхъ часѣвъ,
И ѡдѣрватись тяжко ѡдъ старцѣвъ сумныхъ слѣвъ.

* * *

Весна настала красна, розтавъ зимы килімъ, —
Немовъ козакъ гуляцій прибрався Чигиринъ.
Мовъ дѣвчина въ недѣлю, — природа стрѣйна вся,
И наче щастье въ серци, — така ей краса.

Болоня кругъ Чигрина не мраки залягли;
То войска два ворожѣ до бою надтягли:
Два братья, враговъ штукѣвъ розъеднанѣ съ собовъ
Пришли, щобы пролити рѣками братню кровь.

И стали противъ себе: ту Ляхъ а тамъ Козакъ,
Ту гордый панъ, тамъ низкій, погорджений бѣдакъ,
Ту певнѣсть, тамъ розпука; ту жадоба, тамъ жаль....
Ирзають быстрѣ конѣ, блищитъ до сонця сталь.

Гей гордо панъ Жолкевскій на конику жене!
Гей гордо ляцке войско стоить рядомъ страшне!
А сугорбы понуро, мовъ поле сивѣ мглы,
Розгульніи козацкїи громады облягли.

— „Заждѣть! кричитъ Жолкевскій, — рабы, навчу я васъ
„Не прииде вамъ охота до бунту другій разъ!“
Три шибеницѣ ставитъ на горбъ, щобъ кождый зрѣвъ
И напись по надъ ними: „Се же бунтѣвникѣвъ!“

„Гетьмане Наливайку!“ озвався Лободá
„Се що тамъ видно въ дали? Се що тамъ за бѣда?
„Чи се прапоръ, що шляхту провадитъ до борьбы?
„Менѣ здаєсь, що бачу онъ — шибеницѣ три!“

А Наливайко каже: „Щастъ Боже имъ и съ тымъ!
„Но мы пѣдемъ до бою пѣдъ знаменемъ святымъ.
„Гей, братья, хрестъ поставте на горбъ, на нѣмъ письмо:
„Миръ мирнымъ, — на враждующихъ самъ Богъ и
хрестъ ёго!“

Зновъ день наставъ, — и страшна зачалася борьба,
Немовъ огонь зъ водою, — такъ перлисъ войска два.
Чимъ выше свѣтле сонце по небѣ йшло въ гору,
Тымъ бѣльше братнѣй крови плавѣмъ плыло въ рѣку.

И стала послабати козацка сила вже....

Лютує панъ Жолкевскій и въ пень козацтво тне.
„Ось вамъ наука, хамы, — такъ грозно онъ кричитьъ,
„Якъ рѣзати нашу шляхту, и села намъ палить!“

И всё козацкі очи звернулися наразъ
До чудного на горбѣ хреста въ той страшный часъ.
И смотрятъ: ци се привидь, ци истина?... Зъ землѣ
Вагѡмъ-поволи хрестъ той здвигаеся дъ горѣ.

И мовьбы невидимі несли го руки, йде
Ажь тамъ, де панъ Жолкевскій у пень козацтво тне.
И середъ боевища той хрестъ чудесный ставъ,
Мовь раменами крѣпко козацтво заслонявъ.

Всѣ бачили то диво, — всѣ стали, мовь мертві.....
Не гримають мушкеты, — не блискають шаблѣ.....
Въ тревозѣ панъ Жолкевскій зъ рукъ шаблю упустивъ
Дививсь — а мовь не видѣвъ, стоявъ — а мовь не живъ...

А Наливайко крикнувъ: „Такъ, братья, такъ и есть:
„Миръ мирнымъ! На враждующихъ самъ Богъ и ёго хрестъ!
„За мною! Най пѡзнають враги, що зъ нами Бѡгъ!
„Що противъ Бога змѡгся, хто противъ насъ ся змѡгъ!“

На западъ вже клонилось святое сонце внизъ,
Кѡнчився при Чигринѣ бренькъ стали, ломѡтъ спѣсь.
Кругъ шибениць все войско шляхетске полягло, —
Рѣкою трупѡвъ много и крови поплыло.

Одинъ лишень Жолкевскій ѡдъ гибели уйшовъ:
За нимъ козацтво довго ще гналося стрѣловъ.
„Зажди,“ кричитъ козацтво, „Жолкевскій, гей зажди!
„А для когѡжь лишивъ ты ту шибениць три?“

* * *

Боевище кроваве травѡю поросло, —
Могилы вскрыли трупѡвъ, — мовь буря все прѡйшло.

Козацкі й ляцкі силы розвѣялись, мовъ прахъ, —
Не згинула лишъ незгода, — въ враждѣ все Русь и Ляхъ...

И ци коли настане якій щасливій часъ,
Ци появиться еднѣсть и згода й миръ у насъ, —
Богъ знае! Но мы смѣло въ гору взнесѣмъ чоло!
Миръ мирнымъ! На враждующихъ самъ Богъ и хрестъ ёго!

К о л я д а

(рускимъ господарямъ).

І.

Якъ ся дѣяло изъ первовѣку. Гей дай Боже!
Въ Господа Бога дѣточокъ много,
А mezi ними не двѣ зѣрниці,
Не двѣ зѣрниці, а двѣ сестриці.
Зазвавъ ихъ Господь та передъ себе:
— „Часъ вамъ, дѣтоньки, въ свѣтъ розѣйтися!
Ось ту даю вамъ хату й палату,
Ось ту даю вамъ плугъ и шабельку,
Всѣ то даю вамъ та до выбору!“
Сестра молодша, бачъ, цѣкавѣйша:
Скорше звивалась, палату взяла,
Старшѣй сестрици хата остала.
Сестра молодша, бачъ, цѣкавѣйша:
Скорше звивалась, шабельку взяла,
Старшѣй сестрици плугъ полишала.
И розѣйшлися въ свѣтъ двѣ сестриці,
И стали жити близко при собѣ,
Близко при собѣ, напротивъ себе.
Старша сестрица въ бѣднѣй хатинѣ,
Молодша въ пышнѣй, яснѣй палатѣ.
Старша сестрица землю оре

И засѣває ярое жито, —
Си ланы ся золотомъ крыють.
Молодша ходитъ, шаблевъ воюе
Золото - сръбло въ палату зноситъ.

Довго жили такъ обѣ сестрицѣ,
Довго жили такъ, не сварилися.
Сестра молодша, хоть много мала,
Стала украдкою завидувати
Ярого жита, золотой пшеницѣ
Що росли буйно въ старшой сестрицѣ.

II.

Якъ ся дѣяло изъ первовѣку. Гей дай Боже!

Якъ Жида Христа на муки брали,
На муки брали, на хрестъ розпяли,
Пречиста Дѣва весь свѣтъ сходила,
Весь свѣтъ сходила, Сына глядѣла.
Слѣзы гъркин все проливала,
Бѣлиі ручки зъ жало ломала.

А де упаде еи слѣзонька,
Тамъ тобѣ стане зимна керниця,
Тамъ тобѣ сръбна рѣчка пѣлесея.
Де бѣлиі ручки зъ жало заломитъ,
Тамъ - тобѣ стане шумна дуброва,
Шумна дуброва зъ вѣтромъ играе.
А де изъ жало вздыхне до Бога,
Тамъ тобѣ роѣмъ ярі пчѣлоньки,
Ярі пчѣлоньки медокъ збирають.
Пречиста Дѣва весь свѣтъ перейшла,
Весь свѣтъ перейшла, Сына не найшла.
Весь свѣтъ за нею зазеленѣвся,
Весь свѣтъ за нею розвеселився.

Ой сидитъ панѣ въ пышнѣй палатѣ,
Шабельку остритъ, думку думаетъ, —

Думку думае, слугôвъ пытае:
„Що тамъ за дѣва иде полями,
Иде полями, тяженько плаче,
Рученьки ломитъ, Господа молитъ?
За нею поле зеленѣся,
За нею рѣчки розливаются,
За невь дубровы розвиваются.
Бѣжѣтъ до неи — напротивъ неи,
Нехай не ходитъ по моёмъ полю!
Быстрии рѣчки водами грають,
Въ походѣ войско мое спиняють.
Шумнїи дубровы густо ся стелятъ
И мое войско въ походѣ спинятъ!“

Старша сестрица по полю ходитъ,
По полю ходитъ, кони рахуе,
Рахуе-числитъ, — счислити годѣ!
Старша сестрица задумалася:
„Що то за дѣва, полемъ ступае,
Полемъ ступае, тяженько плаче,
Рученьки ломитъ, Господа молитъ?
За нею поле зеленѣся,
За нею рѣчки розливаются,
За невь дубровы розвиваются.“

Старша сострица пошла до неи,
Пошла до неи, напротивъ неи, —
За ручку бере, словомъ втѣшае,
Словомъ втѣшае, такъ повѣдае:

Ой, не ходи ты, красная дѣво,
Ой не ходи ты свѣтомъ блукати, —
Ходи ты жити до моеї хаты!
Я ти що рано ноги умыю,
Ноги умыю, слѣзы обсушу,
Зъ твого серденька тугу прожену.

Я ти що днини свѣтлоньку вберу,
Свѣтлоньку вберу, їсти злагоджу.
Я ти що вечѣръ лѣженько встелю,
Любу пѣсеньку тай заспѣваю.“

III.

Въ старшой сестрицѣ, якъ бѣръ пшениця, Гей дай Боже!
Въ старшой сестрицѣ ярое жито
Колосомъ клонить, пѣсеньку звонить:
„Насъ Божа Мати благословила
Намъ Божа Мати зрасть подарила,
Бо Божа Мати у нашѣй хатѣ!“

Въ яснои панѣ пышнїи палаты,
Пышнїи палаты зъ вѣтромъ валяться.
Въ яснои панѣ остра шабелька,
Остра шабелька въ бою щербится.
Пѣвъ ей краю, то гай въ розмаю,
Пѣвъ ей краю багна вкрывають,
Багна вкрывають, пѣски ссыпають.
Ясная панѣ, хоть много мала,
Позавидѣла старшѣй сестрици.
Шабельку острить, думку думаеть,
И до слугъ своихъ такъ повѣдає:

„Спѣшѣть ми скоро, вѣрнїи слуги,
Звяжѣте въ пута мою сестрицю,
Звяжѣте въ пута, приведѣть тута!
Най ѡдберу їй тоту пшеницю,
Най ѡдберу їй ярое жито!“

Побѣгли слуги — швидко вернули,
До яснои панѣ слово говорятъ:
„Въ твоей сестрицѣ въ тѣснѣй хатинѣ
Яснѣсть велика, радѣсть велика!
За столомъ сидитъ Пречиста Дѣва,
За столомъ сидитъ, за вечерюю.“

Твоя сестрица хлѣбы ломает,
Хлѣбы ломает, пѣсню спѣвает.“

Ясная панѣ думку думает,
Думку думает, слугъ посылает:

„Вы ничь на тое не уважайте,
Мою сестрицу припрводжайте!

Побѣгли слуги, швидко вернули,
До ясной панѣ слово говорятъ:

„Твоей сестрицѣ бѣднѣй хатинѣ
Ангель сторожитъ, — зблизитись годѣ!“

Ясная панѣ въ гнѣвъ попадает,
Въ гнѣвъ попадает, сама збираетъ.
Велитъ сестрицу въ пута кувати,
Велитъ ѣй власне поле орати,
Власное поле — та не для себе!

Ой сумно сонце въ осени съетъ!
Ой сумно лѣтомъ шумитъ дуброва!
Старша сестрица гѣренько плачет,
Гѣренько плачет, по полю ходитъ.

„Рости, рости ты, ярое жито!
Роди, роди ты золота пшеничко!

Я тебе орю, черное поле,
Я тебе орю, та не для себе!

Ясная панѣ хлѣбъ забирает, —
Мои дѣтоньки зъ голоду плачутъ,
Зъ голоду плачутъ, хлѣбця не бачутъ!“

На чистѣмъ поли, якъ бѣръ пшениця,
На чистѣмъ поли ярое жито
Колосомъ клонитъ, пѣсеньку звонитъ:

„Насъ Божа Мати благословила,
Намъ Божа Мати зрастѣ подарила,
Бо Божа Мати у нашѣй хатѣ!“

IV.

А радъ ты знати, чесный господарю, Гей дай Боже!

Хто тѣ зѣрницѣ — рѣднѣ сестрицѣ?

Старша сестрица — Руска земляца, —

Менша сестрица — Ляцка земляца!

А радъ ты знати, чесный господарю,
Коли скѣнчится плачь старшой сестрицѣ?

Пречиста Дѣва съ Сыномъ царствуетъ,

Пречиста Дѣва плачь сестры чуе!

А за тымъ словомъ бувай ми здоровъ!

Дай тобѣ Боже въ горю потѣху,

Дай тобѣ Боже въ нуждѣ надѣю,

Дай тобѣ Боже сильную волю!

Збавъ тебе Боже ѡдъ злыхъ сусѣдѣвъ,

Знавъ тебе Боже ѡтъ сынѣвъ вырѣдныхъ,

Збавъ тебе Боже ѡтъ тмы неволѣ!

Весна настане, — сѣй жито яре,

Сѣй жито яре, золоту пшееницю!

Осѣнь настане, збирай щасливо!

Зима настане — пѣсни приносятъ.

Лѣто настане, — не засумуйся,

Выйди на поле, поведи окомъ!

На чистѣмъ поли, якъ бѣръ пшееница,

На чистѣмъ поли ярое жито

Колосомъ клонитъ, пѣсеньку звонитъ:

„Насъ Божа Мати благословила,

Намъ Божа Мати зрасть подарила!“

Бо Божа Мати и въ твоѣй хатѣ!

B-3573

/1